

СМЕРТЬ ДРУГА

В субботу 24-го ноября в госпитале при старческом доме Лагуна Хонда после продолжительной болезни, на 90-м году жизни скончался известный скульптор Михаил Михайлович фон Мейер.

М.М. фон Мейер, участник Первой Мировой войны и Гражданской войны в Сибири, офицер одного из кавалерийских полков, прибыл в Сан Франциско с одной из первых волн дальневосточной эмиграции в начале двадцатых годов.

Сочетая тяжелую физическую работу, на которую в те годы были обречены русские эмигранты, с привязанностью к изобразительному искусству, развитую в нем с ранних лет, М.М. фон Мейер закончил Школу изящных искусств, по классу скульптуры, одну из лучших школ в Америке.

В тридцатых и сороковых годах он был уже признанным скульптором, работы которого находятся во Дворце Почетного Легиона в Линкольн парке, в Художественном музее Сан Франциско и в частных коллекциях.

Во время Всемирной выставки в Сан Франциско в 1939-1940 гг. его работы украшали выставочные павильоны. Одна из его работ находится в Голденгейтском парке, в здании «Бич Шале». Из других его работ следует упомянуть скульптурные украшения в здании Почты в Санта Клара и в здании Представителей Конгресса в Вашингтоне.

Время художественного развития М.М. фон Мейера связано с одним из самых знаменательных времен в истории Сан Франциско. Большой славой пользовался Бениамино Буфано, миниатюрного роста и телосложения человек, скульптурные работы которого представляли огромные глыбы гладко отшлифованного мрамора и гранита, изображавшие зверей, - его любимый сюжет, или такие же огромные фигуры людей из блестящей, нержавеющей стали.

В молодой тогда русской колонии славились художники - портретисты братья Ильины, Петр и Глеб, полотна которых украшают ряд американских галлерей; художник Евгений Иванов, человек высокого дарования, декорации которого - совместно с художником С. Сацевичем - к постановке оперы «Жизнь за Царя», вызвали подлинное восхищение публики.

Сигизмунд Сацевич, как скульптор, выставил одну из своих работ, огромную женскую фигуру в бронзе, названную им Миссиссиппи», которая получила приз на годовой выставке Художественного музея в Сан Франциско.

Те годы, по сравнению с другими годами русской колонии Сан Франциско, можно назвать, если не золотыми, то серебряным веком ее существования.

В течение многих лет М.М. фон Мейер жил при студии в конце тенистого двора на Фильберт стрит, в живописной части города, населенной артистами, художниками, певцами.

В студии обычный завал - глыбы глины, стружки от деревянных работ, подставки с глиняными фигурами, покрытыми влажными рогожами, книги, необтесанные еще камни гранита и мрамора.

Его жизнь тогда разделяла его жена, сохранившая от матери - француженки неподражаемое изящество, красоту и лорнет, вызывавший удивление и восхищение трамвайных пассажиров, когда она подносила его к близоруким глазам, копясь в сумочке за монетой.

В студии часто бывало шумно и весело. Появлялись художники, скульпторы, друзья. Было несколько молодых учеников. Предметом общего обожания была изумительной красоты борзая, увековеченная скульптором сперва в глине, затем в бронзе.

К поздним годам М.М. фон Мейер развил страсть к театральности. Носил котелок, строгого покроя пальто с бархатным воротником, перчатки, неизменную трость из коллекции чуть ли не в сорок штук. Или появлялся в театральном плаще с соответствующей шляпой, с отпущенной бородой. К этому времени неожиданно появилось открытие» титула барона.

Известность, слава, широкий взгляд на жизнь, упоение в творчестве - кратковременны и изменчивы. Наступает период сомнений, упадка, самообмана, что не все еще кончено, что много еще можно сделать. Обычно в одиночестве. Смерть старшего брата лишила единственного близкого человека. Бывшая жена умерла в старческом доме после восьми лет в состоянии полутрупа.

Старая студия начала казаться склепом, особенно в темные зимние дни, сырым, холодным. Полное одиночество - и жалость к себе, жалость ко всему, что было и чего уже больше нет. И сознание старческой беспомощности.

Заботами Калифорнийского Отдела Медицинской Помощи его поселили в отель для старых бездомных людей, на Саттер стрит, последнее место, где пишущий эти строки говорил с ним в последний раз, трудно понимая его бессвязный говор то по-русски, то по-английски, кроме последних слов «не мешайте мне спать», хотя было только около семи вечера. Затем след его исчез. И только на днях в газете «Сан Франциско Кроникл» появилось оповещение о его смерти и о том, что художественная галерея Хербертхувер Галлери, 1681 Фолсом стрит, почтит его память в четверг 6-го декабря в 6 часов вечера.

Лагуна яхонда - ласкающее слух созвучие. Ласкает оно и глаз, когда видишь это великокняжеское имение со стороны Вудсайд, вблизи озера того же названия, в фешенебельной части Сан Франциско: чугунные ворота, огромные деревья, аллея, ведущая к двум главным корпусам.

И оно также вызовет душевный трепет у старых бездомных людей, для которых не осталось в жизни другого выбора, как закончить ее в старческом доме, т.к. Лагуна Хонда последнее убежище для нескольких сотен таких людей.

Высокие палаты, голые окна, голые стены, сверкающий холодной белизной пол, ряд кроватей, покрытых серыми одеялами, шкафчики.

Смешанный запах лизола из уборных и разваренной рыбы и капусты из столовых. Казенная атмосфера, выжившая последний след человеческого тепла, улыбку, голоса, выше шопота. Одинокие старики и старухи, часть примиренных с судьбой, часть потерянных, в душевном смятении.

Надзирательницы с лицами, как полагается иметь надзирательницам, с голосами, лишенными человеческого звука: «Что вы здесь мечетесь, не находите себе места! Вот вам кровать, вот вам столовая, вот вам уборная! Что вам еще нужно!»

Так было в тяжелые годы великой депрессии в конце двадцатых и в начале тридцатых годов, так, пожалуй, - вряд ли есть сомнение на этот счет! осталось и теперь.

Возможно, что если и есть улучшения, то только в госпитале, известном как «последняя миля», где в палатах на пятьдесят умирающих - а там только такие и были - была одна сиделка, и где на матрасах были сделаны дыры, а под ними на полу стояли ведра.

Два-три последних года это стало уделом жизни М.М. фон Мейера, горьким во много крат для человека, любившего краски, формы, магическое превращение камня, глины в движение, в жизнь, если только милосердие - добрая мать или сестра - не лишило его сознания.

П. Балакшин.